

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-215–236

«НОВЫЕ» И «СТАРЫЕ» ДЕКРЕТЫ МАКЕДОНСКИХ ПОЛИСОВ ПО ПОВОДУ АСИЛИИ СВАТИЛИЩА АСКЛЕПИЯ НА КОСЕ

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
Россия*
yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются политические учреждения и гражданские коллективы городов Македонского государства в эпоху эллинизма в свете декретов о признании священной неприкосновенности Асклепийона на о. Кос в июле и августе 243 г. до н.э. – как известных ранее (Пелла, Кассандрия, Амфиполь, Филиппы), так и опубликованных недавно Д. Боснакисом и К. Халлофом. Среди новых документов декреты Эг и Берои, а также, возможно, Фессалоники и еще одного города (представлены аргументы, что им мог быть Дий, а не Эдесса или какой-то другой македонский полис, как считают издатели надписей). Также рассмотрены: характер взаимоотношений македонских городов и царей из династии Антигонидов; внешнеполитический фон кампании по признанию асилии святилища Асклепия на Косе, которая пришлась на время Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.) и потери Македонией контроля над Коринфом (лето 243 г. до н.э.); вопрос о симмахии македонян и косцев, упоминаемой в трех новых постановлениях. Города Македонского государства, чьи декреты сохранились в «архиве» косского Асклепийона, имели разное происхождение и политические традиции. Постановления по поводу асилии позволяют провести сравнение их политических и гражданских учреждений. В рассматриваемых декретах македонские города обозначаются как полисы. В них функционировали народные собрания, советы, а также различные магистраты (эпистаты, архонты, жрецы-эпонимы, стратеги, номофилаки, казначеи). То, что в декретах Эг, Берои и Пеллы не засвидетельствовано решение Антигона Гоната признать асилию (упомянутое в постановлениях Кассандрии, Амфиполя и Филипп, которые теоры посетили позднее), может служить дополнительным аргументом в пользу мнения о том, что, по крайней мере, в 243 г. до н.э. македонские города могли признавать асилию самостоятельно, т.к. это не являлось подлинной внешней политикой. Возможно, что теоры встретились с Гонатом уже после посещения ими Пеллы, и согласие царя признать асилию было упомянуто только в постановлениях городов, в которых они побывали позднее. Также рассмотрены декреты

Данные об авторе: Кузьмин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ.

Автор выражает благодарность О.Л. Габелко, А.Л. Зелинскому, Д.А. Кузьминой, К. Милете, В.П. Никонорову, С.К. Сизову, И.Е. Сурикову, К. Франк, М. Хадзопулосу, К. Халлофу и В. Хекелю за содействие в работе над статьей. Конечно же, они не несут ответственности за представленные выводы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00099 («Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в пост-классическое время: правовые основы, практики, дискурсы»).

по поводу косской асиии ряда фессалийских городов, бывших частью державы Антигонидов (Гонны, Гомолий, Фтиотидские Фивы), в которых тоже не упоминается решение царя. То, что в связи с асиейей Асклепийона на Косе сохранились декреты минимум восьми македонских городов, свидетельствует, что в эпоху эллинизма они воспринимались как полисы, бывшие частью эллинского мира в политическом, религиозном и культурном отношениях.

Ключевые слова: Македония, Кос, Асклепийон, эпоха эллинизма, асияия, полисы, гражданские коллективы, теоры, Антигон Гонат, Третья Сирийская война.

В 243 г. до н.э. жители Коса объявили об учреждении панэллинского праздника в честь Асклепия и обратились ко многим греческим государствам и эллинистическим правителям с приглашением принять в нем участие, а также признать священную неприкосновенность (*асиюию*) расположенного на острове святилища этого бога. На настоящий момент благодаря находкам надписей (все они происходят с самого Коса) известны несколько десятков ответов на обращения косских священников (*теоров*). Наиболее полная подборка этих документов представлена в вышедшем в 2010 г. косском разделе корпуса *«Inscriptiones Graecae»* (IG XII 4 1 207–245)¹.

В 2020 г. Д. Боснакис и К. Халлоф опубликовали новые документы по поводу асииии святилища Асклепия на Косе². Это начертанные на двух сторонах одной стелы декреты четырех македонских городов, среди которых Эги и Бероя (сторона А), декрет Темна в Эолиде, а также письма «царицы Лаодики» и «царя вифинян Зигэла» (Зиэла) (сторона В)³.

Хронология деятельности нескольких групп косских теоров, которые в 243 г. до н.э., примерно за год до празднования первых панэллинских Асклепий, объехали многие государства в бассейне Средиземного моря – от Малой Азии до Сицилии и Италии – с приглашениями на праздник и просьбами о признании асииии, основывается на датировках трех документов. Время пребывания косских посланников в Македонии известно благодаря тому, что декреты Берои и Амфиполя датированы сорок первым годом царствования Антигона II Гоната (284/3–239 гг. до н.э.) и разными днями (2 и 19) месяца горпизя (т.е. временем примерно с конца

¹ Подборка, актуальная на середину 1990-х гг., имеется в монографии К. Ригсби об асииии (Rigsby 1996, 106–153). Первая общая публикация так называемых «Asylieurkunden aus Kos», известных к началу 1950-х гг.: Herzog, Klaffenbach 1952.

² Bosnakis, Hallof 2020, 287–326.

³ «Царица Лаодика», чье письмо было скреплено печатью с изображением якоря (об этом упоминается в «заголовке» перед текстом ее послания косцам), очевидно, была вдовой селевкидского царя Антиоха II (261–246 гг. до н.э.) (ср. Bosnakis, Hallof 2020, 321–323). Нет необходимости искать какую-то другую кандидатуру (например, видеть в ней носивших это же имя и бывших ее родственницами жену Селевка II или супругу Митридата II Понтийского; о них см.: Grainger 1997, 48 [Laodike 2, 4]). Мнение А. Чошкун о том, что Лаодика, вдова Антиоха II, погибла в самом начале Третьей Сирийской войны в 246 г. до н.э. (Coşkun 2018, 213–214, 231), не имеет серьезных оснований (ср. Bosnakis, Hallof 2020, 323). Что касается «Зигэла», то это один из вариантов написания имени вифинского правителя Зиэла (о нем см. подробнее: Gabelko 2005, 198–226; Paganoni 2019, 76–95). Его более раннее письмо по поводу асииии Асклепийона на Косе (в котором он назван Зиэлом), известно с начала XX в. (IG XII 4 1 209).

июля до середины августа)⁴. Этим же месяцем датирован и декрет Пеллы⁵. А в опубликованном недавно письме «царя вифинян Зигэла» имеется датировка «39-м годом»⁶ – очевидно, она сделана по эре, использовавшейся в Никее и некоторых других городах Вифинского царства, которая отсчитывалась с 282/1 г. до н.э.⁷ Это позволило уточнить датировку миссий косских теоров – перенести их с 242 г. до н.э., как обычно считалось прежде⁸, на 243 г. до н.э. (как это ранее обосновывал в связи с исчислением царствования Антигона Гоната М. Хадзопулос⁹).

Македонию во второй половине лета 243 г. до н.э. посетили архитеор Ари-столох, сын Змендрона, и теор Макарей, сын Арата¹⁰. В свете датировок декретов Берои вторым днем горпия и Амфиполя девятнадцатым днем этого же месяца очевидно, что теоры начали свой путь по Македонии не с востока, направившись потом в Фессалию, как это иногда допускается¹¹, а с юга, с Пиерии¹². В постановлении Кассандрии говорится, что Асклепии должны состояться через девять месяцев после посещения этого македонского полиса косскими теорами (IG XII 4 1 220I, стк. 17: ... ἡ θυσία εἰς ἐνάτην σελήνην).

В настоящей статье в первую очередь рассматривается вопрос о городах Македонского государства – их политических учреждениях и гражданских коллективах – в свете декретов об асиии косского Асклепийона, как известных ранее, так и опубликованных недавно Д. Боснакисом и К. Халлофом. Также затронуты и другие проблемы и сюжеты – о характере взаимоотношений македонских полисов с Антигонидами и внешнеполитическом фоне кампании по асиии косского святилища Аскелепия, хотя они требуют более пристального рассмотрения.

Прежде были известны декреты четырех македонских городов по поводу косской асиии – Пеллы, Кассандрии, Амфиполя и Филипп¹³. Они упоминались или анализировались с разной степенью глубины в большом числе работ, посвящен-

⁴ Dittenberger, Bischoff 1912, 1664.

⁵ Бероя (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 26–27]): βασιλεύοντος Ἀντιγόνου ἔτους ἐνὸς καὶ τεσσαρακοστοῦ, ἱερέως δὲ Νικάνωρος τοῦ Ἀλεξάνδρου, μηνὸς Γορπιαίου δευτέραι; Амфиполь (IG XII 4 1 220II, сткк. 19–20): βασιλεύοντος Ἀντιγόνου ἔτους ἐνὸς καὶ τεσσαρακοστοῦ, ἐπιστάτου Ξενίου τοῦ Ὀργέως, ἐφ' ἱερέως Λυσιμάχου· ψηφίσματα Γορπιαίου ἐνάτη ἐπὶ δέκα; Пелла (IG XII 4 1 221AI, стк. 2): ἐφ' ἱερέως Ἀσκληπιοδώρου, Γορπιαίου.

⁶ Bosnakis, Hallof 2020, 293 (сткк. 74–75): ἐνάτου καὶ τριακοστοῦ, Βριεττίου ἐβδόμη ἐφ' ἰκάδι.

⁷ Bosnakis, Hallof 2020, 318–320.

⁸ Данная датировка основана на мнении, что начало царствования Антигона Гоната отсчитывалось с 283/2 г. до н.э. (например: Chambers 1954, 385–394; Hammond, Walbank 1988, 581–583; Rigsby 1996, 106–108; Худопулос 1997, 53, σημ. 2; Burselis 2004, 15; Knäpper 2018, 88). Гонат принял царский титул, видимо, после смерти своего отца Деметрия I Полиоркета, за несколько лет до воцарения в Македонии. На тот момент Антигон контролировал лишь некоторые осколки державы Деметрия (Пирей, Коринф, Деметриада). Македонию Антигон Гонат захватил ок. 276 г. до н.э., окончательно утвердившись в ней после разгрома и гибели Пирра в 272 г. до н.э.

⁹ Goungoroulou, Hatzopoulos 1998, 93–94.

¹⁰ О теорах и их семьях см.: Paschidis 2008, 368–370, 373–376. Теор Макарей мог быть одноименным ему косским историком (BNJ 456; см.: Nelson 2005, 209–236; Nelson 2013, 249).

¹¹ Paschidis 2008, 369.

¹² Ср. Knäpper 2018, 89–90.

¹³ IG XII 4 1 220I–III–221AI; ср. Herzog, Klaffenbach 1952, 15–19 (№ 6–7); Rigsby 1996, 134–140 (№ 23, 25–27); Hatzopoulos 1996 II, 54 (№ 36), 60 (№ 41), 64–65 (№ 47), 74–75 (№ 58). Далее при ссылке на данные документы указывается только их издание в IG.

ных различным аспектам истории Македонии в правление династии Антигонидов, эллинистического мира в целом и института асиии¹⁴.

На стеле с постановлением Пеллы был помещен декрет еще одного города, возможно, македонского (IG XII 4 1 221AII). От названия его гражданской общины сохранились только три последние буквы – «[с. 4–5]ἰων» (текст самого постановления утрачен, т.к. нижняя часть стелы отколота). Высказывались мнения, что это был декрет граждан Пидны¹⁵ или Берои¹⁶. После публикации Д. Боснакисом и К. Халлофом настоящего постановления беройцев, второй вариант должен быть оставлен, но идентификация этого города, как Пидны остается лишь предположительной.

Теперь к ответам македонских полисов по поводу асиии косского Асклепийона добавились декреты Эг и Берои (их тексты практически не пострадали)¹⁷, а также части постановлений еще двух городов, названия которых неизвестны из-за повреждений стелы. Декреты были начертаны в следующем порядке: I – неизвестный город; II – Эги; III – Бероя; IV – неизвестный город.

Декрет (I), который находился на стеле перед постановлением Эг, можно попытаться связать с Дием – главным религиозным центром древней Македонии, а не с Эдессой или каким-то другим городом, как это делают Д. Боснакис и К. Халлоф¹⁸. Основанием для версии о Дие служит то, что косские теоры, покинув Фессалию через Темпейское ущелье (они посетили расположенный на выходе из него Гомолий – IG XII 4 1 216II), двигались по Македонии до Эг и Берои с юга на север; затем они повернули на восток. Представляется маловероятным, что до Эг и Берои теоры не посетили Дий. Помимо важности этого города, как главного святилища македонян¹⁹, известно, что Дий имел связи с авторитетнейшими панэллинскими храмовыми центрами. Так, Дий фигурирует в обширном дельфийском списке *теородоков*, датируемым временем ок. 215 г. до н.э.²⁰. Ок. 180 г. до н.э. Филипп V (221–179 гг. до н.э.) отправил гражданам Дия письмо по поводу своего согласия признать асиию Кизика (SEG XLVIII 785).

С другой стороны, можно согласиться с Д. Боснакисом и К. Халлофом в том, что декрет (IV), который находился на стеле после постановлений Эг и Берои, скорее всего, был решением фессалонийцев. Наименование гражданской общины оканчивается на -έων и приблизительное число букв (12–14) допускает восстановление «[Θεσσαλονικ]έων»²¹.

Необходимо отметить, что среди декретов о признании асиии косского Асклепийона имеются постановления и нескольких фессалийских городов (IG XII 4 1 216–218), бывших частью державы Антигона Гоната (которая, помимо собственно Македонии, включала Фессалию и некоторые другие территории; ряд госу-

¹⁴ Например: Tarn 1913, 184, n. 54; Bengtson 1955, 456–463; Giovannini 1977, 465–472; Errington 1990, 229–238; Hatzopoulos 1996 I, passim; Rigsby 1996, 134–140; Xydopoulos 1997, 53–61; Raynor 2016, 225–262; Daubner 2018, 131–157; Knäpper 2018, passim.

¹⁵ Rigsby 1996, 135.

¹⁶ Paschidis 2008, 369, n. 1.

¹⁷ Тексты и переводы декретов Эг и Берои см. в Приложении.

¹⁸ Bosnakis, Hallof 2020, 306.

¹⁹ Hatzopoulos 2013, 163–172.

²⁰ Plassart 1921, 17 (столб. III, стк. 54).

²¹ Bosnakis, Hallof 2020, 304.

дарств в центральной Греции и Эгеиде находились в сфере влияния Антигона)²². Фессалийские декреты имеют разную степень сохранности (лучше всего она у документов из Гонн, Фтиотидских Фив и Гомолия – IG XII 4 1 216A–B), но ни в одном из них не упоминается Антигон Гонат, нет указаний на македонское владычество и решение монарха о признании асиили. Декреты фессалийских городов по поводу косской асиили обычно рассматриваются отдельно от постановлений македонских полисов²³, хотя их сравнительный анализ позволяет делать важные наблюдения и выводы (см. далее).

В недавно опубликованных декретах Эг и Берои зафиксированы: «этнос македонян», полисные органы власти и магистраты, разные системы датировок документов, терминология, связанная с отношениями родства и гостеприимства на межгосударственном уровне; также в них присутствует загадочное упоминание о *симмахии* македонян и косцев.

Данные надписи сохранили имена нескольких граждан Эг и Берои. Декрет Эг датирован именем жреца Антигона, а теородоком в этом городе стал Галеста, сын Аминты. В Берое жрецом-эпонимом в 243 г. до н.э. был Никанор, сын Александра. Упомянутые жители Эг не фигурируют в других источниках; также не представляется возможным проследить их родственные связи²⁴. Однако жрец Никанор, сын Александра из Берои, возможно, упоминается двадцать лет спустя (в августе 223 г. до н.э.) в списке *гегемонов* (офицеров) из этого города (ЕКМ I 4, стк. 13: Νικάνωρ Ἀλεξάνδρου)²⁵, которым царь Антигон III (229–221 гг. до н.э.) пообещал освобождение от полисных *литургий* по завершении войны против Спарты (Клеоменова война 229–222 гг. до н.э.).

В настоящее время прежняя «догма» о том, что даже в эпоху эллинизма македонские города не имели подлинного самоуправления и контролировались представителями царей²⁶, должна воспринимается только как историографический реликт. В правление династии Антигонидов (270-е – 168 гг. до н.э.) македонские города обладали автономией во внутренних делах, интервенции в которые со стороны царей засвидетельствованы, но они не были постоянным явлением²⁷. В эпиграфических и литературных источниках (в том числе и в рассматриваемых декретах по поводу косской асиили) многие города Македонии обозначаются как πόλεις, а их жители – πολῖται. В македонских полисах функционировали народные собрания, советы, коллегии магистратов. Города имели собственное гражданство, даровали гражданские права и *проксению*, а также признавали асиилию и назнача-

²² Ср. Burselis 2004, 16.

²³ Например: Graninger 2011, 140–142.

²⁴ Имена Аминта и Антигон были широко распространены в Македонии; с другой стороны, Галеста – имя очень редкое (LGPN IV s.v. Ἀμύντας[-ης], Ἀντίγονος, Γαλέστας[-ης]). В Эгах имя Галеста фиксируется еще однажды на амфоре, которую датируют концом II – началом I в. до н.э. (SEG XL 655; ср. Bosnakis, Hallof 2020, 298).

²⁵ Ср. Bosnakis, Hallof 2020, 300.

²⁶ Например: Bengtson 1954, 462–463; Errington 1990, 230.

²⁷ Так, в 248 г. до н.э. наследник Антигона Гоната, будущий Деметрий II (239–229 гг. до н.э.) решил в пользу храма Геракла Кинегиды его финансовый спор с властями г. Бероя (ЕКМ I 3). См. также: Magi 2018b, 138–139.

ли гостеприимцев (теородоков) для теоров общеэллинических святилищ²⁸. Происхождение городов, их политические традиции и исторический опыт, несомненно, влияли на специфику органов власти (особенно на наименования магистратов), но в их положении было много общего в плане функционирования локальных политических институтов и характера отношений гражданских общин с царями.

Говоря о косской асии 243 г. до н.э., следует отметить, что в связи с ней сохранились декреты минимум восьми македонских городов. Столь большое число явно не случайно. Очевидно, что в эпоху эллинизма македонские города воспринимались именно как полисы, бывшие частью эллинского мира в политическом, религиозном и культурном отношении²⁹, хотя, конечно же, признание асии не свидетельствует о том, что они могли проводить самостоятельную внешнюю политику.

Также важно, что македонские города, чьи декреты сохранились в «архиве» косского Асклепийона, имели разное происхождение и политические традиции. Декреты по поводу асии, принятые практически одновременно – в течении примерно месяца в июле-августе 243 г. до н.э., – позволяют провести сравнение политических и гражданских учреждений этих городов³⁰.

Среди полисов, признавших косскую асию (см. карту), были старые нижнемакедонские города – такие, как Эги и Бероя (а также Дий, если верно его отождествление с городом, издавшим первый декрет на недавно опубликованной стеле). Эги, первая резиденция македонских царей из династии Аргеадов-Теменидов, сохраняли «столичный» статус и после переноса главной царской резиденции в Пеллу в конце V – или начале IV в. до н.э. Такое положение было характерно и для времени Антигонидов, при которых царские дворцы функционировали в Пелле, Эгах, а также в фессалийской Деметриаде. Бероя, возможно, малая родина Антигонидов, в эпоху эллинизма являлась одним из важнейших городов Македонского царства³¹. Пелла, как уже отмечалось, была главной резиденцией македонских царей. Кассандрия и Фессалоника (если Д. Боснакис и К. Халлоф правы по поводу четвертого декрета) являлись новыми полисами, основанными в эпоху диадохов. *Ктислом* обоих городов выступал Кассандр (316–297 гг. до н.э.). И, наконец, Амфиполь и Филиппы (изначально Крениды) до их завоевания Филиппом II были греческими полисами.

Есть мнение, что Филиппы находились за пределами «национальной» македонской территории, которая на восточном направлении, возможно, была ограничена р. Стримон, и имели союзный статус в отношениях с македонскими монархами³². В декрете Филипп упоминается, что следующей целью теоров был расположенный на побережье Неаполис (IG XII 4 1 220III, сткк. 52–54). Однако неизвестно, планировали ли косцы обратиться к его гражданам с просьбой признать асию, или лишь хотели сесть там на корабль, чтобы покинуть царство Антигона Гоната.

²⁸ См. подробнее, например: Hatzopoulos 2020, 88–103.

²⁹ Ср. Giovannini 1977, 467; Hatzopoulos 1996 I, 365; Daubner 2018, 136, 146–149.

³⁰ Ср. Mari 2018a, 179–180.

³¹ См. подробнее: Edson 1934, 213–246; Tataki 1988, 420; Kuzmin 2013, 28–31.

³² См. подробнее: Hatzopoulos 1996 I, 184–189; Hatzopoulos 2016, 106–112; Mari 2018a, 184–186; Panagopoulou 2019, 368.

Македония эллинистического времени / Hellenistic Macedonia

Среди македонских полисов, признавших неприкосновенность святилища Асклепия на Косе, явно не случайно отсутствуют сравнительно немногочисленные города Верхней Македонии, которые это время, очевидно, не имели полисного статуса³³.

Декреты по поводу косской асиили фиксируют наименования органов власти и магистратов, как совпадающие, так и отличающиеся в разных македонских городах, а также различные системы датировок локальных документов. Постановления только двух городов (Берои и Амфиполя) датированы царскими годами. Также в них добавлены и местные датировки – в Берое именем жреца-эпонима и месяцем с указанием дня; в Амфиполе именами *эпистата*³⁴, жреца и месяцем с указанием дня. В Эгах и Пелле решения датированы именами жрецов³⁵. В Пелле также указан и месяц (горпизэй). Декреты Кассандрии и Филипп не имеют да-

³³ Hatzopoulos 1996 I, 77–104.

³⁴ По поводу эпистатов, которые в Македонии эллинистического времени, скорее всего, были ежегодными полисными магистратами, отвечавшими за взаимодействие с царским двором, см.: Hatzopoulos 1996 I, 372–429. Данная точка зрения, тем не менее, не стала общепризнанной. Согласно традиционной концепции, эпистаты в городах, подчинявшихся эллинистическим монархам, были исключительно царскими представителями (например: Papazoglou 2000, 172–176).

³⁵ По мнению М. Хадзопулоса, жрецы-эпонимы во всех или же в большинстве городов Македонии в эпоху эллинизма были жрецами Асклепия (Hatzopoulos 1996 I, 154, n. 2, 6; Hatzopoulos 2020, 101–102). В ряде случаев в надписях как эпонимные магистраты прямо засвидетельствованы «жрецы Асклепия», но где-то присутствует имя жреца без указания божества, что все же оставляет вопрос о его культе (ср. Mari 2018a, 184).

тировок. Следует отметить отсутствие датировок годами царствования Антигона Гоната в царских резиденциях – Пелле и Эгах.

В рассматриваемых декретах засвидетельствованы следующие магистраты: эпистат (Амфиполь)³⁶; *архонты* (Амфиполь, Филиппы, Фессалоника?); *стратегы* и *номофилаки* (Кассандрия); казначеи (Пелла, Кассандрия, Филиппы); жрецы-эпонимы (Бероя, Пелла, Амфиполь).

В постановлении Филипп упоминается стратег, который должен был организовать эскорт из наемников для косских теоров на их пути к Неаполису (IG XII 4 1 220III, сткк. 52–54). В данном случае, очевидно, подразумевается именно военный чин, в отличие от стратегов в Кассандрии, которые вместе с номофилаками, являлись магистратами, обладавшими законодательной инициативой, как это следует из эпиграфических источников³⁷.

После приема косских теоров граждане Эг, Берои, Пеллы, Амфиполя и Филипп избрали из своего числа официальных гостеприимцев-теородоков. В постановлении Кассандрии об этом не упоминается. В декретах «неизвестного города» (Дия?), Эг, Берои и Пеллы имеются отсылки к уже имеющемуся опыту принятия чужеземных теоров (в том числе и с упоминанием конкретных празднеств – Немейских и Пифийских) и практике их финансового обеспечения за счет полисов.

В декрете Филипп засвидетельствовано наличие в городе *пританея*, в который были приглашены косские теоры (IG XII 4 1 220III, сткк. 50–51). В Кассандрии Аристолах и Макарей побывали в культовом сооружении (*ἀρχηγέτειον*), очевидно, связанном с основателем города Кассандром (IG XII 4 1 220I, стк. 15: ... καλέσαι δὲ αὐτοὺς καὶ εἰς τὸ ἀρχηγέτειον).

Декреты по поводу неприкосновенности косского Асклепийона были приняты полисами и их гражданами³⁸. В постановлениях Эг и Пеллы говорится о решении полиса. В декрете Берои засвидетельствован созыв *эκκληсии* и решение граждан (*политов*) по поводу асии³⁹. В Амфиполе теоры также посетили *эκκληсию*, а решение было вынесено от имени полиса. В декрете Филипп говорится о решении *эκκληсии* и постановлении от имени полиса.

Лишь в Кассандрии постановление было принято советом (*βουλῆ*), но в документе упоминается и «наш полис»⁴⁰. Принятие декретов советом, очевидно, было

³⁶ Именем эпистата, наряду со жрецом Асклепия, датирован и декрет из фессалийского Гомолия (IG XII 4 1 216II). Остается под вопросом, был ли эпистат в Гомолии, выступавший эпонимом, полисным магистратом (как это, видимо, имело место в македонских городах), или же, согласно обычной точке зрения по поводу эпистатов в эллинистических государствах, их функций и статуса, он являлся царским представителем (Helly 2004, 88). Известны случаи, когда эпистатами именовались люди, представлявшие Антигонидов вне пределов Македонии (Polyb. XX.5.12 – Спарта; I. Stratonikeia I 4 – Панамара в Карию).

³⁷ Hatzopoulos 1996 II, 63–64 (№ 45–46).

³⁸ Ср. Raynor 2016, 258; Daubner 2018, 146.

³⁹ До публикации постановления Берои по поводу косской асии *πολιται* были зафиксированы в македонской эпиграфике времени Антигонидов только в письме Филиппа V о священной неприкосновенности Кизика (ок. 180 г. до н.э.), найденном в Дие, в котором фигурируют эпистат, пелиганы (члены совета) и «остальные политики (граждане)» (SEG XLVIII 785: Βασιλεὺς Φίλιππος Διεστῶν Εὐρυλόχοι τῶι ἐπιστάτῃ καὶ τοῖς πελειγᾶσι καὶ τοῖς λοιποῖς πολιταῖς χαίρειν κτλ.).

⁴⁰ Эги (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [стк. 15]); Пелла (IG XII 4 1 221AI, стк. 9); Бероя (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 28, 33–34]); Амфиполь (IG XII 4 1 220II, сткк. 22–23, 27); Филиппы (IG XII 4 1 220III, стк. 43); Кассандрия (IG XII 4 1 220I, сткк. 8, 13).

обычной практикой в Кассандрии⁴¹, как об этом свидетельствуют надписи. Вряд ли это можно объяснить тем, что в них постановления представлены в сокращенной форме. Скорее, роль совета была связана с особенностями политической организации полиса кассандрийцев⁴².

В декретах только трех городов Македонского царства, признавших в 243 г. до н.э. асиюлию храма Асклепия на о. Кос, присутствует отсылка к решению Антигона Гоната по этому поводу – *κατὰ τὴν τοῦ βασιλέως βούλησιν* (Кассандрия – IG XII 4 1 220I, стк. 10); *καθ' ἅτερ καὶ ὁ βασιλεὺς Ἀντίγονος προαιρεῖται* (Амфиполь – IG XII 4 1 220II, стк. 31; Филиппы – IG XII 4 1 220III, сткк. 48–49).

Очевидно, что в какой-то момент имела место личная встреча косских теоров с македонским царем⁴³. П. Пасхидис убедительно показал, что после посещения Македонии посланниками с Коса были установлены связи между семьей архитеора Аристолоха и царским домом Антигонидов, сохранявшиеся, согласно косвенным данным эпиграфики и литературных источников, вплоть до времени правления правнука Антигона Гоната Персея (179–168 гг. до н.э.) и крушения македонской монархии⁴⁴. При этом в сохранившихся списках победителей на Асклепийях (IG XII 4 2 453–454), относящихся ко времени ок. 240–170 гг. до н.э., македоняне отсутствуют, хотя следует отметить утрату немалых частей данных надписей⁴⁵.

К. Ригсби высказал предположение, что Антигону Гонату могло принадлежать одно из писем по поводу асиили косского Асклепийона (IG XII 4 1 208), исходя из фразеологии, явно происходившее из царской канцелярии, но из-за повреждений текста не позволяющее установить отправителя⁴⁶. В конце письма постулируется, что царь объявит своим подданным о признании им асиили святилища. Впрочем, не обязательно, что данным монархом был Гонат⁴⁷. Так, решение признать асиюлию косского Асклепийона со стороны эпирского царя Александра II, судя по всему, присутствовало в сильно поврежденном декрете Левкады (IG XII 4 1 220V, сткк. 69–70)⁴⁸.

Возвращаясь к вопросу о решении Антигона Гоната по поводу косской асиили следует отметить, что, видимо, не является случайным отсутствие упоминаний о нем в декретах Эг, Берои и Пеллы – городов, которые теоры посетили в начале своего путешествия по Македонии⁴⁹. Конечно, данное обстоятельство можно попытаться объяснить тем, что упоминание о решении царя не было включено в де-

⁴¹ Hatzopoulos 1996 II, 62–62 (№ 44), 64 (№ 46).

⁴² О статусе Кассандрии в Македонском государстве см.: Hatzopoulos 1996 I, 143–145.

⁴³ У Афиня сохранился рассказ жившего при македонском дворе философа-стоика Персея о посещении Антигона Гоната некими теорами из Аркадии и их приеме царем (Athen. XIII.607c–d). Исторический фон этого события и его датировка неизвестны (ср. Tam 1913, 435–436 + n. 11; Rutherford 2013, 162).

⁴⁴ Paschidis 2008, 368–369, 373–376; ср. Sherwin-White 1978, 116–117; Habicht 2006, 148–152.

⁴⁵ Ср. Höghammer 2016, 151, 155.

⁴⁶ Rigsby 1996, 117–118; ср. Knäpper 2018, 98–100.

⁴⁷ Ср. Bosnakis, Hallof 2020, 302 + Anm. 37.

⁴⁸ Ср. Hatzopoulos 2007, 271–274.

⁴⁹ Ср. Hatzopoulos 2020, 100.

креты данных полисов, но это крайне маловероятно⁵⁰. Скорее следует согласиться с мнением, что города, в постановлениях которых нет отсылок к решению царя, теоры посетили еще до встречи с ним⁵¹. В связи с этим следует вспомнить высказанное ранее и подвергавшееся критике мнение, что македонские полисы могли признавать асилию без санкции монарха⁵².

В свете декретов Эг и Берои, которые прояснили путь теоров по Македонии, можно сделать заключение о том, что если ранее теоры не побывали, например, в Деметриаде и не встретили Антигона там (гипотетически это допустимо, учитывая то, что данный город был одной из «столиц» его державы)⁵³, то, скорее всего, первые собственно македонские города они посетили еще до того, как получили согласие на признание асии от царя. В таком случае, македонские полисы действительно имели полномочия самостоятельного признания священной неприкосновенности (по крайней мере, в случае косской асии в 243 г. до н.э.). Представляется странным и необъяснимым – почему, если теоры уже перед посещением Эг, Берои и Пеллы имели решение царя, упоминания о нем появляются в декретах, только начиная с Кассандрии.

Прежде, когда были известны декреты только четырех македонских полисов в связи с косской асией (в трех из которых упоминалось решение Антигона), выдвигались разные объяснения по поводу роли монарха и прав городов и их гражданских коллективов в признании права священной неприкосновенности. Так, было высказано мнение, что Антигон после обращения к нему теоров с Коса издал общую *διάγραψα*, адресованную его подданным, со своим решением⁵⁴. Согласно другой точке зрения, царь отправил письма в отдельные города, как это, возможно, имело место позднее в случае с асией Кизика ок. 180 г. до н.э., когда сначала Филипп V получил просьбу, согласился с ней, а затем послал по этому поводу письмо гражданам Дия (SEG XLVIII 785)⁵⁵. Похожий механизм засвидетельствован и в случае с письмом Филиппа V совету и народу Халкиды с сообще-

⁵⁰ Ближе к концу III в. до н.э. Филипп V признал равный дельфийским Пифийским играм и другим «венчанным» агонам (на которых наградой были венки), статус праздника в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре. Решение царя по данному поводу зафиксировано в декрете, принятом советом и народным собранием Халкиды, бывшей частью державы Филиппа V (Rigsby 1996, 233–235 [№ 97]). Можно отметить, что в отличие от декретов македонских полисов в связи с косской асией, в трех из которых только упоминается о решении Антигона Гоната, в постановлении Халкиды приводится аргументированная часть письма Филиппа V. Однако в декретах об асии храма Артемиды в Магнесии-на-Меандре и статуса праздника в честь богини, изданных в соседней с Халкидой Эретрии и Коринфе (оба города также были в македонской сфере влияния) отсылок к решению царя вообще нет (Эретрия – Rigsby 1996, 235–236 [№ 98]; Коринф – Rigsby 1996, 224–225 [№ 92]). Такая же ситуация и в Гоннах – постановление их граждан создает впечатление декрета независимого полиса, несмотря на то что город был частью державы Антигонидов (Rigsby 1996, 209–210 [№ 83]). Только то, что теоры из Магнесии получили от гоннейцев субсидию в «деметриевых драмах», косвенно отсылает к македонскому владычеству.

⁵¹ Rigsby 1996, 134–135; Knäpper 2018, 99; Bosnakis, Hallöf 2020, 300.

⁵² Raynor 2016, 253–262; contra: Mari 2018a, 180, n. 5.

⁵³ Диоген Лаэртский упоминает о посольстве с участием философа Аркесилая, которое Антигон Гонат принимал в Деметриаде (Diog. Laert. IV.39).

⁵⁴ Giovannini 1977, 469; contra: Rigsby 1996, 135, n. 67.

⁵⁵ Mari 2006, 2016; Hatzopoulos 2007, 273–274; Mari 2018b, 135–136. Письмо Филиппа V гражданам Дия по поводу асии Кизика могло быть связано и со значением Дия как главного святилища македонян, и тем, что там публиковались важнейшие документы общегосударственного значения (см. Hatzopoulos 2013, 167).

нием о признании им праздника в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре⁵⁶.

В декретах всех македонских городов имеется упоминание об οἰκειότης (родство, близость по происхождению) и благорасположении (εὖνοια) косцев к их гражданам, македонянам, а начиная с декрета Пеллы и к царю Антигону. Его подданные и их родина обозначаются как «этнос македонян» (Эги и Бероя), «македоняне» (Пелла, Кассандрия, Амфиполь), «хора (земля) македонян» (Пелла), «другие эллины и македоняне» (Филиппы)⁵⁷.

Есть мнение, что в случае с декретами Пеллы и Амфиполя под «македонянами», которые в обращениях косцев упоминаются раньше граждан этих городов и царя Антигона, могла подразумеваться федеративная (или квазифедеративная) структура, так называемый «союз македонян», который рядом исследователей признается составным элементом Македонского государства наряду с монархией в эпоху эллинизма⁵⁸.

В новых декретах Эг и Берои фигурирует «τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων». Подобное обозначение может указывать на некую представительную структуру⁵⁹, хотя термин τὸ ἔθνος не самый употребительный в официальных документах в таком контексте (значительно более распространенное обозначение – τὸ κοινόν)⁶⁰. Новые декреты по поводу косской асиии могут стимулировать продолжение дискуссии об официальном представительстве македонян в Македонском государстве и их таковом восприятии извне. Однако представляется, что фразеология этих надписей все же не дает веских оснований для подобных выводов.

⁵⁶ Rigsby 1996, 233–235 [№ 97]).

⁵⁷ «Неизвестный город» (Дий?) (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 4–5]): ... [καὶ τῆι φιλ]ανθρωπῆι τῆι πρὸς Μακεδόνα[ς].

Эги (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 12–14, 18–20]): ... εὖνοιαν ὑπάρχουσαν καὶ οἰκει[ότη]τα πρὸς τὴν πόλιν ἡμῶν καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνε[νε]ώσαντο; ... ἐπαινέσαι δὲ καὶ τὴν πόλιν τὴν τῶν Κώϊων ἐπὶ τῆι πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσεβείαι καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων εὖνοιαι...

Бероя (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 31–32, 38–39]): ... οἰκειότητα καὶ εὖνοιαν ὑπάρχουσαν πρὸς τὴν πόλιν τὴν Βεροαίων καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνήγγελλον; ἐπαινέσαι δὲ καὶ τὴν πόλιν τὴν [Κώϊων] ἐπὶ τῆι πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσεβείαι καὶ τῆι πρὸς τὸ Μακε[δόνων] ἔθ[νος] εὖνοιαι...

Пелла (IG XII 4 1 221A): ... τὴν τε οἰκειότητα ἀνεεώσαντο τὴν ὑπάρχουσαν Κώϊοις πρὸς Μακεδόνας καὶ τὴν εὖνοιαν ἀπελογίζοντο, ἣν ἔχουσα τυγχάνει ἡ πόλις ἡ Κώϊων πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Πελλαίους καὶ τὴν λοιπὴν χώραν τὴν Μακεδόνων (сткк. 3–6); ... καὶ ἐπὶ τῆι εὖνοιαί τῆι πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Μακεδόνας (сткк. 11–12).

Кассандрия (IG XII 4 1 220I): ... καὶ ἀπολογίζονται τὴν εὖνοιαν τῆς αὐτῶν πόλεως, ἣν ἔχουσα διατελεῖ πρὸς τε τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ τὴν Κασσανδρέων πόλιν καὶ πρὸς τοὺς λοιποὺς Μακεδόνας πάντας (сткк. 4–7); ... καὶ τὴν ὑπάρχουσαν αὐτῆι εὖνοιαν διαφυλάσσει πρὸς τε τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ τὴν ἡμετέραν πόλιν καὶ Μακεδόνας πάντας (сткк. 12–14).

Амфиполь (IG XII 4 1 220II): ... καὶ τὴν εὖνοιαν ἐνεφάνιζον, ἣν ἔχουσα διατελεῖ ἡ πόλις πρὸς τε τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Μακεδόνας (сткк. 24–25); ... καὶ ἐπὶ τῆι εὖνοιαί τῆι πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Μακεδόνας (сткк. 29–30).

Филиппы (IG XII 4 1 220III): ... τὴν οἰκειότητα τὴν ὑπάρχουσαν τῆι πόλει τῆι Κώϊων πρὸς τὴν πόλιν τὴν Φιλίππων καὶ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς τοὺς ἄλλους Ἑλληνας καὶ Μακεδόνας ἐνεφάν[ι]σαν καὶ ἀνεεώσαντο (сткк. 40–42); ... καὶ ἐπὶ τῆι εὖνοιαί τῆι τε πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ τὴν πόλιν τὴν Φιλίππων καὶ τοὺς ἄλλους Ἑλληνας καὶ Μακεδόνας (сткк. 46–47).

⁵⁸ Panagorouliou 2019, 367–368.

⁵⁹ Ср. Hatzopoulos 2020, 48.

⁶⁰ Ср. Rzepka 2017, 15.

Тем более не следует допускать, что у «македонян» и македонских полисов хоть в какой-то мере было право проведения внешней политики⁶¹. Политическое и дипломатическое значение имело признание асилии царем, а со стороны полисов это был лишь сакрально-культурный акт. Постановление граждан Филипп начинается с его классификации как относящегося к религиозной сфере (IG XII 4 1 220III, стк. 36: *ἱερῶν ὑπὲρ τῆς ἐκ Κῶ θεωρίας*). Реальную безопасность святилищу, просившему признать его священную неприкосновенность, мог гарантировать только монарх⁶².

М. Хадзопулос высказывал мнение, что македонские полисы самостоятельно согласились лишь принять участие в празднике в честь Асклепия на Косе, но, признавая асилию, они сделали отсылку к решению царя, в чьей компетенции это находилось⁶³. Однако подобное заключение должно быть отвергнуто, особенно в свете новых документов⁶⁴.

Кампания косцев в 243 г. до н.э. была первым опытом признания священной неприкосновенности святилища в таких широких географических и геополитических масштабах не только для македонских городов, но и эллинистического мира в целом⁶⁵. Первые македонские полисы (до Пеллы включительно), которые посетили косские теоры, не имея возможности ориентироваться на прецеденты⁶⁶, признали асилию самостоятельно (так же, как ранее это сделали и фессалийские города), потом теоры встретились с Антигоном, тот дал свое согласие, которое в других городах стало восприниматься как рекомендация и включаться в тексты их постановлений. В декретах Эг, Берои и Пеллы говорится о том, что косский Асклепийон получает асилию, «как и другие святилища, имеющие неприкосновенность» (... *καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερά τὰ ἄστυλα*) – возможно, что здесь подразумевается неприкосновенность храма в традиционном понимании (как убежища

⁶¹ Есть мнение, что ок. 180 г. до н.э. наряду с Филиппом V асилию Кизика признали и «македоняне» (Hatzopoulos 1996 I, 365–366; Panagoroulou 2019, 368–369). Основанием для этого служит, анонсированный Д. Пандермалисом еще в начале 1990-х гг., но до сих пор так и не опубликованный фрагментарный декрет из Дия, в котором упоминаются «предки царя», «македоняне», а также священная неприкосновенность Кизика и его территории (см.: Hatzopoulos 1996 II, 51–52 [№ 32]). Как упоминалось выше, гражданам Дия было адресовано письмо Филиппа V по поводу асилии Кизика (SEG XLVIII 785).

⁶² В рамках данной работы лучше обойти вопрос о характере института территориальной асилии в эпоху эллинизма – давала ли она реальную неприкосновенность не только самому святилищу, но и полису, на территории которого оно было расположено, или же носила формально-почетный характер. В конце письма по поводу асилии косского Асклепийона одного из так называемых «неизвестных царей», в котором многие видят Антигона Гоната, подчеркнуто, что он признает неприкосновенность святилища в его границах (IG XII 4 1 208, сткк. 9–13: ... *καὶ τοῖς ὑφ' ἡμᾶς τασσομένοις παραδόσομεν ἄστυλον ἡγεῖσθαι τὸ ἱερὸν ὡς τοὺς βρούς τεθεικάτε*). Очевидно, что асилия не распространялась этим монархом на полис косцев.

⁶³ Hatzopoulos 1996 I, 365.

⁶⁴ Ср. Hatzopoulos 2020, 100.

⁶⁵ Ср. Rigsby 1996, 106. О более ранних, но локальных примерах признания асилии см., например: Knäpper 2018, 82–87.

⁶⁶ Развитие практики принятия теоров греческих святилищ в Македонии и избрания местных теородоков можно проследить с конца 60-х гг. IV в. до н.э. Если в первом известном случае – святилища Асклепия в Эпидавре – теородоком, представляющим Македонское государство, выступал царь Пердикка III (ок. 365–359 гг. до н.э.) (IG IV² 1 94B1, стк. 9), то впоследствии теородоков для разных эллинистических культовых центров стали назначать уже македонские города (см. подробнее: Raynor 2016, 228–253; Daubner 2018, 138–145).

для гонимого). После Пеллы отсылка к практике неприкосновенности «других святылищ» исчезает, и в декретах Кассандрии, Амфиποля и Филипп появляется решение царя Антигона (... κατά τὴν τοῦ βασιλέως βούλησιν; ... καθάπερ καὶ ὁ βασιλεὺς Αντίγονος προαιρεῖται).

Самым загадочным местом в трех новых декретах по поводу косской асиии является указание на некую симмахию македонян и косцев. В постановлениях Эг и Берои присутствуют идентичные формулировки, что косцы поступают достойно «родству и симмахии» (... ὅτι ἄξια πράσσουσι τῆς τε οἰκειότητος καὶ τῆς συμμαχίας); в поврежденном декрете (I – Дия?) сохранилось лишь слово συμμαχία. Однако если термин οἰκειότης присутствует в подобном контексте и в декретах других македонских городов, которые теоры посетили позднее, то συμμαχία в них уже не фигурирует⁶⁷.

В связи с рассматриваемой проблематикой следует обратиться к декретам фессалийских городов по поводу косской асиии. В начальной части постановления Гонн в Перребии говорится о том, что косские теоры, обращаясь к их жителям, напомнили о «дружбе и родстве» (φιλία καὶ συγγένεια), но в конце декрета от имени гоннейцев засвидетельствованы «φιλία καὶ συμμαχία» перребов и косцев⁶⁸. Однако военный союз между ними, конечно же, невозможен, т.к. фессалийская Перребия была частью державы Антигона Гоната⁶⁹.

Может быть, в случае с фразеологией постановления граждан Гонн следует видеть отголоски традиции о мифологических связях фессалийцев и косцев⁷⁰, которая могла отразиться в формуле «φιλία καὶ συμμαχία»? Высказывались предположения, что фраза «φιλία καὶ συμμαχία» в финальной части декрета из Гонн вообще является ошибкой резчика вместо «φιλία καὶ συγγένεια»⁷¹. Именно такое определение зафиксировано в постановлении по поводу косской асиии из Гомолия (IG XII 4 1 216AII, сткк. 23–24), в котором говорится о «φιλία καὶ συγγένεια» фессалийских магнетов и косцев.

В декрете Гонн, изданном ближе к концу III в. до н.э. по поводу асиии святылища Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре, фигурируют «дружба и родство» (φιλία καὶ συγγένεια; φιλία καὶ οἰκειότης)⁷², причем в обоих декретах из Гонн (243 г. до н.э. и принятого более трех десятилетий спустя) имеет место общая композиция, подчеркивающая древность связей его жителей и перребов в целом с косцами и малоазийскими магнетами⁷³.

⁶⁷ Ср. Bosnakis, Hallof 2020, 306–307.

⁶⁸ IG XII 4 1 216AI, сткк. 9–11: δεδόχθαι τῇ πόλει τῇ Γοννέων· τὴν τε φιλίαν καὶ συμμαχίαν ὑπάρχειν πᾶσι Περραιβοῖς πρὸς τὴν Κώϊων πόλιν καθάπερ καὶ ἐξ ἀρχῆς ὑπῆρχεν.

⁶⁹ Северная часть Перребии – Трехградье (Долиха, Азор и Пифий) административно принадлежала не к Фессалии, а к Элимее – одной из областей Верхней Македонии.

⁷⁰ См. подробнее: Rigsby 2004, 9–14.

⁷¹ Helly 2004, 99, n. 37; Parker 2011, 113, n. 18; Graninger 2011, 142.

⁷² Rigsby 1996, 209–210 (№ 83): ... ἐπειδὴ Μάγνητες οἱ ἐπὶ Μαϊάνδρου φίλοι ὄντες καὶ συγγενεῖς Γοννέων (сткк. 4–5); ... καὶ ἀνευέωσαντο τὴν ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχουσαν φιλίαν καὶ οἰκειότητα Μάγνησίν τε καὶ Γοννεῦσιν (сткк. 14–16).

⁷³ Кос (IG XII 4 1 216AI, сткк. 3–6, 10–11): ... ἐμφαν[ι]ζόντων τὴν τε [φιλίαν καὶ τὴν συγγέν]ειαν τὴν ὑπάρχουσαν ταῖς πόλεσ[ιν] ἐξ ἀρχῆς αὐταῖς] πρὸς αὐτάς καὶ τῶι ἄλλωι ἔθνει τ[ῶι Περραιβῶ]ν; ... τὴν τε φιλίαν καὶ συμμαχίαν ὑπάρχειν πᾶσι Περραιβοῖς πρὸς τὴν Κώϊων πόλιν καθάπερ καὶ ἐξ ἀρχῆς ὑπῆρχεν;

Таким образом, термин *συμμαχία* в декрете Гонн по поводу косской асиии 243 г. до н.э., возможно, имеет какое-то необычное значение⁷⁴ или, действительно, является ошибкой. В связи с этим можно вспомнить очевидную ошибку, допущенную косским резчиком в тексте постановления Эг, где во фразе «*προσδέξασθαι τὴν τε θεωρίαν τὴν ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Αἰγυαίων*» вместо «эгийцев» должны быть «косцы» (... *ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Κόσιων*), как об этом корректно говорится в декрете Берои. Однако, учитывая, что *συμμαχία* фигурирует в декретах трех македонских полисов, вероятность ошибки резчика в данном случае практически исключена.

Встают вопросы: почему термин *συμμαχία* присутствует только в декретах трех городов, которые теоры посетили в начале пути по Македонии; следует ли его понимать буквально, как «военный союз»⁷⁵ или, может быть, он в данном случае имеет какое-то редкое значение почетного характера?

Есть мнение, что, обращаясь к македонским городам и Антигону Гонату, теоры с Коса косвенно апеллировали к связям знаменитого врача Гиппократы и его потомков с Македонией и царским домом Аргеадов-Теменидов⁷⁶. Но даже если это действительно так, то отношения *ксении*, засвидетельствованные для косских Асклепиадов и первой династии македонских царей (Hipp. Ep. 27.7; ср. Suda s.v. Δράκων, Ἴπποκράτης), вряд ли могли в 243 г. до н.э. привести к появлению термина «симмахия» в характеристике отношений македонян и косцев.

Хотя, как уже было отмечено выше, внешнеполитическая перспектива выходит за рамки данной работы, требуя особого рассмотрения, все же необходимо представить некоторые наблюдения. Обычно считается, что Кос, место рождения Птолемея II Филадельфа, в 243 г. до н.э., когда царствовал его сын Птолемей III Эвергет и когда косцы начали кампанию по признанию асиии, являлся или птолемеевским союзником⁷⁷, или находился в сфере влияния этой династии, имея с ней «особые отношения»⁷⁸. Однако следует отметить, что все свидетельства в пользу косско-птолемеевского союза являются косвенными⁷⁹ и определение «сфера влияния» представляется более корректным⁸⁰.

Впрочем, можно вспомнить, что в 260-х гг. до н.э. или в следующем десятилетии (ок. 255 г. до н.э.) в сражении, произошедшем при Косе, флот Антигона Гоната разгромил эскадру Птолемея II⁸¹. Немногочисленные источники, лишь кратко упоминающие об этой битве (Plut. Moral. 545b; Athen. V.209e; ср. Plut. Moral. 183d;

Магнесия-на-Меандре (Rigsby 1996, 209–210 [№ 83, сткк. 14–16]): ... *καὶ ἀνεεώσαντο τὴν ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχουσαν φιλίαν καὶ οἰκειότητα Μάγνησιν τε καὶ Γοννεῦσιν.*

⁷⁴ Ср. Helly 2004, 99, n. 37; Graninger 2011, 142.

⁷⁵ Ср. LSJ⁹ s.v. *συμμαχία*.

⁷⁶ См. подробнее: Nelson 2007, 234–246; Nelson 2013, 262.

⁷⁷ Например: Chambers 1954, 391; Rigsby 1996, 106, 135.

⁷⁸ Подробнее см.: Sherwin-White 1978, 110–111.

⁷⁹ В первом письме Зизла об отношениях косцев и Птолемея III (хотя не следует исключать возможность, что подразумевается еще его отец Птолемей II), который именуется «другом и союзником» вифинского правителя, говорится следующее: «... γινῶσιν καὶ διὰ τὸ τὸμ βασιλέα Πτολεμαῖον οἰκειῶς διακεῖσθαι τὰ πρὸς ὑμᾶς, ὄντα ἡμέτερον φίλον καὶ σύμμαχον» (IG XII 4 1 209A, сткк. 22–25). См. также: Sherwin-White 1978, 96.

⁸⁰ См. подробнее: Bagnall 1976, 103–105.

⁸¹ См. подробнее: Buraselis 1982, 141–151, 160–170; Hammond, Walbank 1988, 290–295, 587–600; Reger 1993, 155–177.

Diog. Laert. IV.39), не дают оснований считать, что после нее Кос оказался в македонской сфере влияния или, тем более, стал союзником Антигонидов. Однако в свете упоминаний *συμμαχία* с косцами в декретах трех македонских полисов в 243 г. до н.э. такая вероятность появляется, хотя подобная трактовка требует внесения серьезных коррективов в сложившееся ранее понимание отношений Коса с великими эллинистическими державами⁸². Впрочем, не исключено, что выражение в декретах Эг, Берои и Дия (?) о том, что косцы поступают достойно «родству и симмахии», все же не следует понимать в качестве констатации реального союза.

Кампания косцев по признанию асиили пришлось на время Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.) между Птолемеями и Селевкидами⁸³ и очередного македонско-египетского конфликта, в ходе которого Антигон Гонат, несмотря на установление птолемеевского контроля над частью фракийского побережья Эгеиды⁸⁴, нанес поражение эскадре Птолемея III в битве при Андросе (ок. 246–245 гг. до н.э.)⁸⁵. При этом нет уверенности в том, что македонский царь выступал официальным союзником Селевкидов. По сути, во второй половине 240-х гг. до н.э. имела место не просто очередная селевкидско-птолемеевская война, а широкий и многоплановый конфликт на территориях от Вавилонии до Балкан, в который были вовлечены как великие эллинистические державы, так и ряд других государств⁸⁶.

Все это наводит на мысль о взаимосвязи стремления косцев получить признание асиили с международной ситуацией того времени. По мнению К. Буразелиса, после поражения египетского флота от Антигона Гоната при Андросе Птолемей III уже не мог гарантировать защиту Коса, поэтому его жители предприняли кампанию по признанию священной неприкосновенности святилища Асклепия⁸⁷. Похожее суждение представил и П. Пасхидис, сделавший акцент на том, что косцы, учреждая панэллинские Асклепии, пытались маневрировать между эллинистическими сверхдержавами во время их очередного большого конфликта⁸⁸. А.Л. Зелинский считает, что широкая косская кампания по получению асиили (территориально охватившая даже Западное Средиземноморье) была инспирирована Птолемеем III Эвергетом для защиты Коса от угрозы со стороны Селевка II⁸⁹.

⁸² См. Sherwin-White 1978, 108–110; Reger 1993, 167–170; Paschidis 2008, 370, n. 1.

⁸³ О Третьей Сирийской войне см., например: Grainger 2010, 153–170 (традиционное представление весьма немногочисленных источников об этом конфликте и их минималистическая трактовка); Coşkun 2018, 197–252 (оригинальная и обширная, но по многим пунктам уязвимая интерпретация).

⁸⁴ Города Эн и Маронея вошли в состав птолемеевской державы еще до того, как в 243 г. до н.э. их посетили теоры с Коса. Среди надписей по поводу косской асиили присутствуют декреты этих полисов (IG XII 4 1 224I, III). В постановлении Эна упоминаются молитвы за «здоровье и спасение царя Птолемея, царицы Береники и их детей», энийцев и косцев, а также жрец царского культа (IG XII 4 1 224III, сткк. 15–20).

⁸⁵ Plut. Pelop. 2.4; Trog. Prol. 27; Pap. Naun. 6. См. подробнее: Buraselis 1982, 119–141, 144–145; Hammond, Walbank 1988, 306–307, 587–600.

⁸⁶ Ср. Chaniotis 2018, 79. Не следует забывать, что в то время, когда косские теоры посетили некоторые греческие полисы на Сицилии и в южной Италии (Гела, Камарина, Элея, Неаполис), в Западном Средиземноморье еще продолжалась Первая Пуническая война (264–241 гг. до н.э.).

⁸⁷ Buraselis 2004, 19; ср. Худopoulos 1997, 60–61.

⁸⁸ Paschidis 2008, 370.

⁸⁹ Zelinsky 2020, 146–147.

Однако масштабы деятельности косских теоров не оставляют сомнений в том, что их полис, обращаясь в 243 г. до н.э. с просьбами признать священную неприкосновенность святилища Асклепия, праздника в честь этого бога и перемирия (ἔκεχεῖρία) на время его проведения, смотрел в будущее, не ограничиваясь перспективой Третьей Сирийской войны. Асклепий с широким международным участием проводились на Косе и десятилетия спустя⁹⁰.

Одним из звеньев в серии конфликтов в эллинистическом мире во второй половине 240-х гг. до н.э. стали события в районе Истма. Согласно Плутарху, в «середине лета» 243 г. до н.э. Арат и ахейцы захватили Коринф (Plut. Arat. 21.2)⁹¹, бывший главным центром македонского военного присутствия в Элладе, частью так называемых «оков Эллады» (наряду с Деметриадой и Халкидой). Возникает соблазн соотнести отсутствие упоминаний Антигона Гоната и его решения о признании асиии косского Асклепийона в декретах Эг, Берои и Пеллы с тем, что престарелый царь был вынужден спешно реагировать на потерю Коринфа⁹².

Также то, что в декретах Эг и Берои говорится о благоволении косцев только к «этносу македонян» и жителям этих полисов, а в декретах других городов, которые они посетили позднее (Пеллы, Кассандрии, Амфиополя и Филипп), о благоволении еще и к царю Антигону, могло быть связано с внешнеполитической ситуацией. Косские теоры начали движение по Македонии где-то во второй половине июля 243 г. до н.э. (в Берое они были в самом конце месяца). Ахейский союз, захвативший Коринф, и лично Арат были связаны с династией Птолемеев, и вскоре ахейцы даже провозгласили Эвергета своим почетным гегемоном (Plut. Arat. 24.4). За захватом оплота македонского владычества в Элладе, возможно, стоял именно царь Египта. Кос, если симмахию македонян и косцев в декретах Эг, Берои и Дия (?) не понимать буквально, вероятно, ассоциировался с птолемеевской династией. Может быть, получив известия о событиях вокруг Коринфа, косские теоры стали дипломатично выражать благоволение и к царю Антигону, включив упоминание о нем в свои обращения к гражданам македонских полисов?

В какой-то момент теоры Аристолах и Макарей встретились с Антигоном Гонатом. Если это не произошло еще до начала их пути по Македонии, что очень маловероятно (см. выше), то тогда, скорее всего, аудиенция с царем состоялась уже после пребывания теоров в Пелле. В декрете города, в котором находилась главная царская резиденция, присутствует упоминание о благоволении косцев к македонянам, царю Антигону и гражданам Пеллы, но не говорится о решении царя признать асиюю, которая была объявлена от имени полиса (IG XII 4 1 221A1).

После декретов «неизвестного города» (Дия?), Эг и Берои в постановлениях других македонских полисов уже не фигурирует симмахия македонян и косцев, начиная с декрета Пеллы теоры выражают благоволение и к царю Антигону, а не только к македонянам и жителям конкретных городов, а с постановления Кассан-

⁹⁰ См. подробнее: Höghammer 2016, 147–161.

⁹¹ О датировке см. подробнее: Porter 1937, 64.

⁹² Ср. Raunor 2016, 257. Известно, что в какой-то момент после потери Коринфа Антигон Гонат заключил договор с этолийцами, направленный против Ахейского союза, который, впрочем, не оказался эффективным (Polyb. II.43.9; IX.34.6; см. подробнее: Hammond, Walbank 1988, 311–313).

дрии упоминается о решении со стороны Антигона Гоната признать асилию. Возможно, все это не случайно и взаимосвязано, но на многие остающиеся вопросы еще предстоит искать ответы.

Разные аспекты признания асилии косского Асклепийона Антигоном Гонатом и городами его державы (не только македонскими полисами), заслуживают комплексного монографического исследования. В более широком контексте перспективной и важной представляется тема о политике династии Антигонидов в отношении признания священной неприкосновенности эллинских святилищ и полисов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕКРЕТЫ ЭГ И БЕРОИ ПО ПОВОДУ АСИЛИИ СВАТИЛИЩА АСКЛЕПИЯ НА КОСЕ
(Bosnakis, Hallof 2020, 291–293 [№ II–III])

Αἰγείων

ἐφ' ἱερέως Ἀντιγόνου· ἐπειδὴ παραγενόμεν[ος παρὰ Κώϊων]
Ἀριστόλοχος Ζμένδρωνος ἀρχιθέωρος καὶ θεω[ρὸς Μακα]-
ρεὺς Ἀράτου διελέγοντο τῇ πόλει καὶ τὴν παρὰ τ[ῆς πόλε]-
ως τῆς τῶν Κώϊων εὐνοίαν ὑπάρχουσαν καὶ οἰκει[ότη]-
τα πρὸς τὴν πόλιν ἡμῶν καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνε[νε]-
ώσαντο καὶ ἠξίουσαν τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἐν Κῶϊ ἄσυλο[v]
εἶναι, ἔδοξεν τῇ πόλει τῇ Αἰγείαιων· προσδέξασθαι τὴν τε
θεωρίαν τὴν ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Αἰγείαιων περὶ τῆς
θυσίας τοῦ Ἀσκληπιοῦ· δεδόχθαι δὲ καὶ τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπιοῦ
εἶναι ἄσυλον καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερὰ τὰ ἄσυλα· ἐπαινέσαι δὲ
καὶ τὴν πόλιν τὴν τῶν Κώϊων ἐπὶ τῇ πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσεβεί-
αι καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων εὐνοίαι, ὅτι ἄξια πράσσουσιν τῆς τε
οἰκειότητος καὶ τῆς συμμαχίας· δοθῆναι δὲ τοῖς θεωροῖς ξένι-
ον, ὅσον καὶ Ἀργείοις δίδοται τοῖς τὰ Νέμεια ἐπαγγέλουσιν,
καὶ τὸ ἀνάλωμα τοῦτο θέσμιον εἶναι· <ἀί>ρέθη δὲ καὶ θεωροδό-
κος τῆς πόλεως τῆς Κώϊων Γαλέστης Ἀμύντου.

Эгийцев.

При жреце Антигоне. Поскольку, прибыв от косцев, архитеор Аристолах, сын Змендрона, и теор Макарей, сын Арата, обратились к полису, напомнили о благорасположении и родстве полиса косцев к нашему полису и этносу македонян и просили о том, чтобы святилище Асклепия было неприкосновенным – полис эгийцев постановил: принять *теорию*, отправленную эгийцами <должно быть – «косцами» (ср. с декретом из Бeroи – ὑπὸ τῶν Κώϊων)> по поводу жертвоприношения Асклепию. Постановили также, чтобы святилище Асклепия было неприкосновенным, как и другие неприкосновенные святилища. Восхвалить же и полис косцев за благочестие по отношению к богам и за благорасположение к этносу македонян, т.к. они поступают достойно родству и *симмахии*. Дать же теорам *ксений*, как дают и тем аргивянам, которые объявляют о Немейских играх, а расходы на это пусть будут согласно закону. Избрали *теородоком* полиса косцев Галесту, сына Аминты.

Βεροαίων·

βασιλεύοντος Ἀντιγόνου ἔτους ἐνὸς καὶ τεσσαρακοστοῦ, ἱερέως δὲ Νικάνορος τοῦ Ἀλεξάνδρου, μηνὸς Γορπιαίου δευτέραῖ· συναχθείσης ἐκκλησίας· ἐπειδὴ παραγενόμενοι παρὰ Κώων Ἀριστόλοχος Ζμένδρωνος ἀρχιθέωρος κ[α]ὶ θεωρὸς Μακαρεὺς Ἀράτου θεωρὸς διελέγοντο τοῖς πολίταις καὶ τὴν τε παρὰ τῆς πόλεως τῆς τῶν Κώων οἰκειότητα καὶ εὐνοίαν ὑπάρχουσαν πρὸς τὴν πόλιν τὴν Βεροαίων καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνήγγελλον κα[ι] ἠξίουσαν τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἐν Κῶι ἄσυλον εἶναι, δεδόχθαι τοῖς πολέταις· τὴν θεωρίαν τῆ<v> ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Κώων περὶ τῆς θυσίας τῶι Ἀσκληπι[[ει]]ῶι καὶ τῆι Ὑγείαι προσδέξασθαι· δεδόχθαι δὲ καὶ τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἐν Κῶι ἄσυλον εἶναι καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερὰ τὰ ἄσυλα· ἐπαινεῖσαι δὲ καὶ τὴν πόλιν τὴν [Κώ]ων ἐπὶ τε τῆι πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσεβείαι καὶ τῆι πρὸς τὸ Μακε[δόνων ἔθ]νος εὐνοίαι, ὅτι ἄξια πράσσουσι τῆς τε οἰκειότητος [καὶ τῆς συμμ]αχίας· δοθῆναι δὲ αὐτοῖς καὶ ξένια, ὅσον καὶ τοῖς [τοὺς λοιποὺς στεφανίτα]ς ἀγῶνας ἐπαγγέλλουσιν ἔθος ἐστὶν δο[θῆναι] —————· ἀ]ιρέθη δὲ καὶ θεωροδόκος Κώων [—————] *vacat*

Беройцев.

В сорок первый год царствования Антигона, при жреце Никаноре, сыне Александра, второго числа месяца горпизья. На собрании экклесии. Поскольку, прибыв от косцев архитеор Аристолах, сын Змендрона, и теор Макарей, сын Арата, обратились к гражданам, возвестили о родстве и благорасположении полиса косцев к полису беройцев и этносу македонян и просили о том, чтобы святилище Асклепия на Косе было неприкосновенным – граждане постановили: принять *теорию*, отправленную косцами по поводу жертвоприношения Асклепию и Гигиее. Постановили также, чтобы святилище Асклепия на Косе было неприкосновенным, как и другие неприкосновенные святилища. Восхвалить же и полис косцев за благочестие по отношению к богам и за благорасположение к этносу македонян, т.к. они поступают достойно родству и *симмахии*. Дать же им и *ксении*, как это обычно и для тех, кто объявляет о других агонах, на которых награждают венками [...] Избрали *теородоком* косцев [...].

ADDENDUM

Когда данная работа была уже сдана в печать, вышла статья М. Хадзопулоса, также ставшая откликом на публикацию новых декретов македонских полисов о признании асиии косского Асклепийона (Natzopoulos 2021, 199–213). В ней предложено, что городом (Γ), фрагментарный конец постановления которого присутствует в верхней части стелы, изданной Д. Боснакисом и К. Халлофом, была Пидна; что термин «симмахия» отражает реальный союз между царством Антигонидов и Косом; что первые македонские города признали асиюю, не упоминая решение Антигона Гоната, т.к. это входило в компетенцию «этноса македонян», который как часть Македонского государства связывали с Косом отношения сим-

махии (эта схема на примере Гонн распространяется и на подконтрольную Антигонидам Фессалию). В статье М. Хадзопулоса демонстрируются во многом иные подходы и решения в сравнении с представленными в настоящей работе. Отчасти это связано с его концепцией государственности Македонии в эпоху эллинизма.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bagnall, R. 1976: *The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*. Leiden.
- Bengtson, H. 1955: Randbemerkungen zu den koischen Asylieurkunden. *Historia* 3, 456–463.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2020: Alte und neue Inschriften aus Kos VI. *Chiron* 50, 287–326.
- Buraselis, K. 1982: *Das hellenistische Makedonien und die Ägäis: Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden (Antigonos Monophthalmos, Demetrios Poliorketes und Antigonos Gonatas) im Ägaischen Meer und in Westkleinasien*. München.
- Buraselis, K. 2004: Some Remarks on the Koan Asyilia (242 BC). Against its International Background. In: K. Höghammer (ed.), *The Hellenistic Polis of Kos: State, Economy and Culture*. Uppsala, 15–20.
- Chambers, M. 1954: The First Regnal Year of Antigonos Gonatas. *American Journal of Philology* 75/3, 385–394.
- Chaniotis, A. 2018: *Age of Conquests. The Greek World from Alexander to Hadrian*. Cambr., Mass.
- Coşkun, A. 2018: The War of Brothers, the Third Syrian War, and the Battle of Ankyra (246–241 BC): A Re-Appraisal. In: K. Erickson (ed.), *The Seleukid Empire, 281–222 BC. War within the Family*. Swansea, 197–252.
- Daubner, F. 2018: Peer Polity Interaction in Hellenistic Northern Greece: Theoroi going to Epirus and Macedonia. In: H. Börm, N. Luraghi (eds.), *The Polis in the Hellenistic World*. Stuttgart, 131–157.
- Dittenberger, W., Bischoff, E. 1912: Gorpiaios. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* VII. Stuttgart, 1664.
- Edson, Ch.F. 1934: The Antigonids, Heracles and Beroea. *Harvard Studies in Classical Philology* 45, 213–246.
- Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifinskogo Tsarstva [A History of Bithynian Kingdom]*. Moscow.
- Габелко, О.Л. История Вифинского царства. М.
- Giovannini, A. 1977: Le statut des cités de Macédoine sous les Antigonides. In: *Ancient Macedonia—II*. Thessaloniki, 465–472.
- Gouнарopolou, L., Hatzopoulos, M.B. 1998: *Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας I*. Αθήνα.
- Grainger, J.D. 1997: *A Seleukid Prosopography and Gazetteer*. Leiden–New York–Köln.
- Grainger, J.D. 2010: *The Syrian Wars*. Leiden–Boston.
- Graninger, D. 2011: *Cult and Koinon in Hellenistic Thessaly*. Leiden–Boston.
- Habicht, Chr. 2006: *The Hellenistic Monarchies. Selected Papers*. Ann Arbor.
- Hammond, N.G.L., Walbank, F.W. 1988: *A History of Macedonia III. 336–167 B.C.* Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings I. A Historical and Epigraphic Study; II. Epigraphic Appendix*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2007: Décrets d’asylie, de Macédoine et d’Epire. In: D. Berranger-Auserve (ed.), *Épire, Illyrie, Macédoine: Mélanges offerts au Professeur Pierre Cabanes*. Clermont-Ferrand, 271–274.
- Hatzopoulos, M.B. 2013: Was Dion Macedonia’s Religious Centre? In: P. Funke, M. Haake (eds.), *Greek Federal States and Their Sanctuaries: Identity and Integration*. Stuttgart, 163–172.

- Hatzopoulos, M. 2016: Philippos, πόλις ἑλληνικῆς Μακεδόνων κτίσις. In: J. Fournier (ed.), *Philippos, de la Préhistoire à Byzance. Études d'archéologie et d'histoire*. Athènes, 97–112.
- Hatzopoulos, M.B. 2020: *Ancient Macedonia*. Berlin–Boston.
- Hatzopoulos M. 2021: Quatre nouveaux décrets macédoniens: géographie historique et institutions. *Revue des études grecques* 134/1, 199–213.
- Helly, B. 2004: Décrets de cités thessaliennes à Cos. *Chiron* 34, 87–107.
- Herzog, R., Klaffenbach, G. 1952: *Asylierkunden aus Kos*. Berlin.
- Höghammer, K. 2016: International Networks of an Island Port in the Hellenistic Period – the Case of Kos. In: K. Höghammer, B. Alroth, A. Lindhagem (eds.), *Ancient Ports. The Geography of Connections*. Uppsala, 95–165.
- Knäpper, K. 2018: *Hieros kai Asylos. Territoriale Asylie im Hellenismus in ihrem historischen Kontext*. Stuttgart.
- Kuzmin, Yu.N. 2013: *Aristokratiya Beroii v epokhu ellinizma [The Aristocracy of Beroia in the Hellenistic Epoch]*. Moscow.
- Кузьмин, Ю.Н. *Аристократия Берои в эпоху эллинизма*. М.
- Mari, M. 2006: L'activité législative du roi et des cites en Macédoine. In: A.M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (eds.), *Rois, cites, necropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine*. Athènes, 209–225.
- Mari, M. 2018a: Macedonian Cities under the Kings: Standardization or Variety? A View from Amphipolis. In: M. Kalaitzi, P. Paschidis, C. Antonetti, A.-M. Guimier-Sorbets (eds.), *Βορειοελλαδικά. Tales from the Lands of the Ethne. Essays in honour of Miltiades B. Hatzopoulos*. Athens, 179–197.
- Mari, 2018b: Power in Dialogue. The Letters and *Diagrammata* of Macedonian Kings to Local Communities. In: P. Ceccarelli, L. Doering, T. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities. Studies in the Socio-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 121–146.
- Nelson, E.D. 2005: Coan Promotions and the Authorship of the Presbeutikos. In: Ph.J. van der Eijk (ed.), *Hippocrates in Context*. Leiden–Boston, 209–236.
- Nelson, E.D. 2007: Hippocrates, Heraclids, and the «Kings of the Heracleidai»: Adaptations of Asclepiad History by the Author of the «Presbeutikos». *Phoenix* 61/3–4, 234–246.
- Nelson, E.D. 2013: Coan Asyilia: Small-State Diplomacy and the Hippocratic Legend. In: F. De Angelis (ed.), *Regionalism and Globalism in Antiquity. Exploring Their Limits*. Leuven–Paris–Walpole, Mass., 247–266.
- Paganoni, E. 2019: *Forging the Crown. A History of the Kingdom of Bithynia from its Origin to Prusias I*. Roma.
- Panagopoulou, K. 2019: Between Federal and Ethnic: The Koinon Makedonōn and the Makedones Revisited. In: H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley (eds.), *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism*. Stuttgart, 363–383.
- Papazoglou, F. 2000: Polis et souveraineté. *Živa antika* 50, 169–176.
- Parker, R. 2011: The Thessalian Olympia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 177, 111–118.
- Paschidis, P. 2008: *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC)*. Athens.
- Plassart, A. 1921: Inscriptions de Delphes, la liste des théorodokes. *Bulletin de correspondance hellénique* 45, 1–85.
- Porter, W.H. 1937: *Plutarch's Life of Aratus. With Introduction, Notes, and Appendix*. Dublin–Cork.
- Raynor, B. 2016: Theorodokoi, Asyilia, and the Macedonian Cities. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 56, 225–262.
- Reger, G. 1993: The Date of the Battle of Kos. *American Journal of Ancient History* 10, 155–177.

- Rigsby, K.J. 1996: *Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Rigsby, K.J. 2004: Theoroi for the Koan Asklepieia. In: K. Höghammer (ed.), *The Hellenistic Polis of Kos: State, Economy and Culture*. Uppsala, 9–14.
- Rutherford, I. 2013: *State Pilgrims and Sacred Observers in Ancient Greece. A Study of Theōriā and Theōroi*. Cambridge.
- Rzepka, J. 2017: *Greek Federal Terminology*. Gdańsk.
- Sherwin-White, S.M. 1978: *Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period*. Göttingen.
- Tarn, W.W. 1913: *Antigonos Gonatas*. Oxford.
- Tatakis, A.B. 1988: *Ancient Beroea: Prosopography and Society*. Athens.
- Χυδρούλος, Ι.Κ. 1997: Ψηφίσματα μακεδονικών πόλεων (242 π.Χ.) και η πολιτική του Αντιγόνου Γονατά στη Νότια Ελλάδα. *Ελληνικά* 47/1, 53–61.
- Zelinskyi, A.L. 2020: [*From Basileis-Pharaohs to Pharaohs-Basileis. The First 100 Years of the Ptolemaic Monarchy*]. Vinnytsia–Kiev.
- Зелінський, А.Л. Від басилевсів-фараонів до фараонів-басилевсів: перші 100 років птолемеївської монархії. Вінниця–Київ.

“NEW” AND “OLD” DECREES OF THE MACEDONIAN POLEIS ON THE
ASYLIA OF THE KOAN SANCTUARY OF ASKLEPIOS

Yuri N. Kuzmin

Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia
yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Abstract. The article deals with political and civic institutions of the Macedonian cities in the Hellenistic epoch in the light of decrees on the recognition of the Koan asyilia during July and August of 243 BC, both previously known (Pella, Kassandreia, Amphipolis, Philippi) and recently published by D. Bosnakis and K. Hallof. Among the new documents are the decrees of Aigai and Beroia, as well as those possibly of Thessalonike and another Macedonian city (arguments have been put forward in favour of Dion, not Edessa or some other city as the editors have suggested). Furthermore, this article considers a problem of the nature of interrelations between the Macedonian cities and the Antigonid kings, as well as an international background of the campaign for the Koan asyilia, which occurred during the Third Syrian War (246–241 BC) and was very close to the time of the loss of Macedonian control over Corinth in the mid-summer of 243 BC. The article also explores the nature of mysterious symmachia between Macedonians and Koans attested in new asyilia decrees. The cities of the Macedonian state whose decrees are preserved in the archive of the Koan Asklepieion had different origins and political traditions. The Koan asyilia decrees allow us to compare their political and civic institutions. In these decrees, the Macedonian cities are designated as poleis that had assemblies, councils and various magistrates (epistatai, archons, eponymous priests, strategoi, nomophylakes, treasurers). The fact that the decrees of Aigai, Beroia, and Pella do not attest Antigonos Gonatas’ decision to recognize the asyilia (mentioned in the decrees of Kassandreia, Amphipolis, and Philippi, the cities which were later visited by the theoroi) may serve as an additional argument for the point of view that at least in 243 BC the Macedonian cities could recognize the asyilia independently because it was not genuine foreign policy. It is possible that the Koan theoroi met Antigonos

somewhere after their visit to Pella and so his decision to recognize the asyilia was mentioned only in the decrees of the cities that were visited by the theoroi just later. Also the decrees on the Koan asyilia from a number of Thessalian cities which were part of the Antigonid empire (Gonnoi, Homolion, Phthiotic Thebes) are discussed. In these decrees the decision of the king also is not mentioned. In light of the fact that on the occasion of the Koan asyilia of 243 BC the decrees of at least eight Macedonian cities have been preserved, we have an indication that in the Hellenistic epoch they were perceived as poleis that were part of the Greek world in the political, religious and cultural aspects.

Keywords: Macedonia, Kos, Asklepieion, Hellenistic epoch, asyilia, poleis, civic communities, theoroi, Antigonos Gonatas, Third Syrian War.
